

СУДЬБА

ЗАПРЕТАМ ВОПРОЕКИ

Анатолия Михайловича Кулькина (1928–2014) с благодарностью вспоминают многие, кому приходилось писать, редактировать, издавать, да и просто читать академические книги по общественным наукам в годы оттепели и пришедших ей на смену первых заморозков. С 1958 по 1970 год он работал в издательстве “Наука” сперва редактором, потом руководителем редакции философской литературы, а затем заместителем главного редактора, отвечавшим за выпуск литературы по общественным наукам. Многие книги мы тогда смогли прочесть именно благодаря его смелости, принципиальности и нечастой на таких постах готовности брать на себя ответственность и рисковать своим положением. Издание “Преступления и наказания” с иллюстрациями Эрнста Неизвестного, о котором вспоминает Анатолий Михайлович, было одним из последних таких его Поступков в “Науке”. Вскоре после этого ему пришлось уйти из издательства, после чего ситуация там изменилась быстро и печально.

Сегодня трудно представить себе эффект, который произвел сам факт публикации работ полуопального возмутителя спокойствия (“Знаменитый скульптор Эрнст Неизвестный глину месит; весь в поту, не спит, не ест, Руководство МОСХа бесит” — писал еще в 1954 году Александр Межиров)¹. Это была пусть частная, но победа “сил добра”, поддерживавшая надежду. Тем более, что подобная публикация была не просто признанием — это было и что-то вроде сертификата на право работать. Но зато выдавший его не тому человеку сам легко лишился такого права.

Уйдя из издательства, Анатолий Михайлович организовал в Институте научной информации по общественным наукам отдел по совершенно новой и мало кому известной даже по названию области исследований — науковедению и наладил выпуск соответствующей серии Реферативного журнала ИНИОН. Он сумел сплотить коллектив штатных и внештатных сотрудников, который послужил ядром формировавшейся в СССР новой области, объединявшей исследования по истории, философии, социологии науки, экономике и организации научных исследований. Тогда эта комплексность многим казалась странной, как двумя десятилетиями позже странной казалась идея комплексного исследования человека. Но уже скоро в мире заговорили о “Science of Science” — новой области исследований, развиваемой в СССР. И это было, может быть, самое живое, нескованное идеологическими шорами направление в советских общественных науках. Неслучайно на проблемные философии науки переключилось тогда немало философов, которым трудно стало в более традиционных областях, в том числе и М. Мамардашвили. И многие из них вспоминали Анатолия Михайловича Кулькина с теплотой, а кое-кто и с благодарностью.

И в заключение хочется отметить, что публикация воспоминаний об Эрнсте Неизвестном на страницах “Человека” — отнюдь не случайность. Художник стоял у истоков нашего журнала: его статья “Обратим взор на себя” была напечатана в первый же год выпуска, в третьем номере за 1990 год. И это тоже не было случайностью: журнал с первых дней провозгласил одной из своих задач наведение мостов между наукой о человеке и искусством, которое о человеке по определению. А Неизвестный интересовался философией вполне серьезно и профессионально. И дружил с философами, занимавшимися философской антропологией. Недаром в Тбилиси на проспекте Руставели стоит памятник Мерабу Мамардашвили его работы — лучший монумент дружбе философии и искусства. О его значении для гуманитарного знания свидетельствуют и публикуемые в приложении письма видных советских ученых и деятелей искусства в поддержку издания романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” с иллюстрациями художника.

¹ МОСХ — Московский союз художников.